

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Тикъ-такъ. А. Сахарова. — II. Дитя-цвѣтокъ. Стихотв. В. Львовъ. — III. Въ мірѣ искусствъ. С. Лаврентьева. — IV. Лѣса Индіи. С. Л. — V. Мордва. N. Z. — VI. Дѣти веселились.... Стих. И. П—въ. — VII. Шарада. Ар. — VIII. Ребусъ № 12.

ТИКЪ-ТАКЪ.

Новогоднія картинки.

ВЪ НОВЫМЪ годомъ! съ новымъ счастьемъ! раздается въ просторной, сверкающей милліонами огней залѣ. Въ хрустальныхъ стаканахъ искрится вино, шумъ, смѣхъ, веселый говоръ молодыхъ голосовъ, пожатія рукъ, поздравленіе съ новымъ годомъ! съ новымъ годомъ! Какъ отчетливо слышится среди всего этого шума и говора ровное тикъ-такъ массивныхъ бронзовыхъ часовъ.

Оно какъ будто хоронитъ старый прошедшій годъ и возвѣщаетъ о рожденіи новаго: тикъ-такъ! тикъ-такъ!

Весело встрѣчала новый годъ семья Стрѣльскихъ. Это была небогатая, но живущая безъ нужды и дружная семья.

Тутъ за длиннымъ столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжной скатерью, сидѣлъ и самъ Осипъ Васильевичъ Стрѣльскій, высокій, сѣдой, какъ лунь, семидесятилѣтній старикъ и его жена Варвара Егоровна, полная, добродушная старушка, въ бѣломъ тюлевомъ чепцѣ и коричневомъ шелковомъ капотѣ стариннаго покроя, два сына ихъ съ своими молодыми женами, и единственная дочь Стрѣльскихъ съ мужемъ и двумя дѣтьми и много молодыхъ племянниковъ и племянницъ. Общество было молодое, дружное. Разговоры и смѣхъ не смолкали за большимъ столомъ, да и блюда съ кушаньями, и вазы съ фруктами пустѣли быстро,—у собравшейся молодежи аппетита былъ богатырскій.

Ласковымъ взглядомъ обвелъ старикъ Стрѣльскій веселую толпу гостей. При звукахъ маятника передъ нимъ пронеслась вся трудовая его молодость. Пронеслась и аудиторія, наполненная внимательными слушателями. Осипъ Васильевичъ былъ лѣтъ десять тому назадъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ химіи с.-петербургскаго университета. Теперь на смѣну ему явился на той же кафедрѣ его зять, высокій блондинъ съ умными, проницательными глазами. Многіе изъ его слушателей уже умерли, другіе въ качествѣ профессоровъ или учителей пошли распространять посѣянные имъ знанія по родной землѣ.

Недолго оставалось жить Стрѣльскому; но старикъ не боялся смерти. Она казалась ему только яснымъ закатомъ, отдыхомъ послѣ трудового дня. Онъ сознавалъ, что исполнилъ свой долгъ, поработалъ не мало на своемъ вѣку и воспиталъ на смѣну себѣ новыхъ работниковъ.

Вотъ они всѣ тутъ—его зять, его сыновья, всѣ они молоды и сильны. Старшій сынъ его былъ уже искуснымъ док-

торомъ, второй—народнымъ учителемъ. Спокойно смотрѣлъ старикъ на своихъ гостей.

Вѣроятно та же мысль промелькнула и въ головѣ старушки Варвары Егоровны, можетъ быть тикъ-такъ маятника напомнилъ ей всю радость и все горе, весь трудъ и всю борьбу, которую она дѣлила съ мужемъ,—она внезапно примолкла. Въ ея глазахъ блеснула слеза и, чокаясь съ мужемъ, она произнесла ласково: Съ новымъ годомъ, старикъ!

— Съ новымъ годомъ, ласково отвѣтилъ Стрѣльскій, обнимая жену.

Примолкли всѣ гости послѣ шумной бесѣды и веселыхъ пожеланій. Одна только черноволосая Катя, рѣзвая дѣвочка лѣтъ десяти, любимица Стрѣльскаго, сидѣвшая подлѣ старика, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Дѣдушка, отчего это часы всегда бьютъ тикъ-такъ, тикъ-такъ и что это значить?

Заботливо расправилъ старикъ морщинистой рукой черныя кудри рѣзвухи, заглянулъ ей въ глаза и сказалъ:

— Въ часахъ, Катя, сидитъ маленькій мальчикъ, котораго люди называютъ временемъ, онъ не растеть, не старѣется, не измѣняется, остается сегодня такимъ, какимъ онъ былъ вчера, будетъ завтра тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сегодня.

Появляются и исчезаютъ царства, рождаются и вымираютъ цѣлыя племена, а маленькій мальчикъ съ своимъ неизмѣннымъ тикъ-такъ глядитъ на все такъ, какъ ты, Катя, глядишь на карточные домики, когда они разлетаются. Тикъ-такъ, тикъ-такъ!—твердитъ онъ.

Всего только два слова шепчетъ маленькій мальчикъ; но сколько глубокаго смысла таится въ этихъ немногихъ словахъ „идите впередъ“, твердитъ онъ, „помните, что счастливъ только тотъ, кому мое тикъ-такъ не прозвучитъ упрекомъ, кто сознаетъ, что онъ чѣмъ нибудь обогатилъ жизнь другихъ людей“.

Такимъ людямъ не страшно старѣться, Катя! Когда они

становятся старыми и сѣдыми, какъ твой дѣдушка, маленькій мальчикъ, сидящій въ часахъ, нашептываетъ имъ успокоительно: тикъ-такъ, тикъ-такъ! пора и на отдыхъ. Послѣ яснаго лѣтняго дня наступаетъ тихій, свѣтлый закатъ, послѣ трудовой жизни—спокойная смерть.

Замолкъ старикъ, притихла Катя, призадумались и гости... Призадумались и стали внимательно вслушиваться къ мѣрному тикъ-такъ маятника, стараясь понять смыслъ этого звука.

Тикъ-такъ, тикъ-такъ! одинъ, два... четыре... шесть... десять, двѣнадцать... бьютъ старые часы въ небольшой, небогато убранный квартирѣ на одной изъ окраинъ столицы.

Внимательно прислушивается къ ихъ бою больная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. Худенькое личико горитъ болѣзненнымъ румянцемъ, большіе голубые глаза блестятъ лихорадочно. Давно, очень давно уже лежитъ въ постели Аня. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ она не встаетъ съ этой желѣзной кровати, рѣдко поднимаетъ свою русую головку съ подушки.

Похудѣла Аня, цѣлыя ночи проводитъ она безъ сна въ своей маленькой комнаткѣ. Болитъ и ноетъ грудь дѣвочки, тяжело ей дышать. Давно уже докторъ говоритъ, что пора ей уѣхать отсюда въ болѣе теплую страну.

Но Аня не могла уѣхать изъ Петербурга, мать ея умерла, когда дѣвочкѣ было только восемь лѣтъ, а отецъ жилъ уроками рисованья и, не смотря на всю привязанность къ своей единственной дочери, не могъ везти ее на югъ, онъ и въ Петербургѣ едва сводилъ концы съ концами.

Аня видѣла какъ отецъ страдаетъ, старалась утѣшить его. Да вотъ и сегодня дѣвочка уговорила его идти къ товарищу встрѣчать новый годъ. Она увѣрила его, что ей гораздо лучше и что она уснетъ спокойно и крѣпко.

Послѣ долгихъ просьбъ дочери отецъ ушелъ, перекрестивъ и нѣжно поцѣловавъ больную. Улеглась и уснула старая кухарка въ своей кухнѣ и въ маленькой квартиркѣ вскорѣ все стихло.

Не спала только больная дѣвочка въ своей комнатѣ, освѣщенной лампадой, теплившейся передъ стариннымъ образомъ Спасителя. Аня приподнялась нѣсколько на кровати, опираясь на столикъ. Русые волосы дѣвочки рассыпались по плечамъ, большіе глаза какъ-то вдумчиво всматривались въ знакомую ей обстановку.

Аня съ нетерпѣніемъ ожидала новаго года, ей казалось что онъ долженъ принести ей облегченіе, что ея бессонныя ночи должны окончиться съ этимъ тяжелымъ, старымъ годомъ.

Тихо прозвучали старые часы. Дѣвочка съ тоской и надеждой прислушивалась, продолжая всматриваться. И вотъ ей показалось, что изъ старыхъ, давно знакомыхъ часовъ осторожно выходитъ крылатый мальчикъ съ вѣнкомъ на кудрявой головкѣ, съ привѣтливой улыбкой.

Онъ весело подлетѣлъ къ больной дѣвочкѣ и сверкнулъ своими голубыми глазками.

— Здравствуй! крикнулъ онъ ласково — я пришелъ къ тебѣ самъ, я новый годъ и принесъ коверъ самолетъ, о которомъ тебѣ рассказывала твоя старая няня въ сказкахъ. Садись и полетимъ со мной въ ту страну, куда тебя посылаетъ докторъ, гдѣ тепло и свѣтло, гдѣ круглый годъ растутъ цвѣты, гдѣ нѣтъ ни зимы, ни осени.

Мальчикъ развернулъ передъ Аней роскошный коверъ, — и они сѣли на него и понеслись высоко, высоко, надъ большимъ городомъ. Хорошо, легко было больной дѣвочкѣ, не чувствовала она ни холода, ни усталости и весело неслась на коврѣ самолетѣ.

На плечахъ Ани явились такія же лучезарныя крылья, какъ и на плечахъ ея сосѣда. На ея головкѣ красовался такой же свѣжій, яркій вѣнокъ, а ея бѣлое, прозрачное платьице было легко и воздушно, точно облако.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, весело крикнулъ своей спутницѣ мальчикъ. Аня спрыгнула съ ковра самолета и глазамъ ея предстала чудная, ослѣпительная картина. Она

стояла съ своимъ спутникомъ въ роскошной, волшебной рошѣ.

Могучія, величественныя деревья, освѣщенные серебристымъ свѣтомъ луны, образовали непроницаемые своды. Пышныя розы перешептывались съ скромными фіалками, душистые нарцисы склонялись къ граціознымъ лиліямъ. Вдали журчали прохладные, серебристые фонтаны, а въ темной глубинѣ роши сверкалъ милліонами огней высокій хрустальный замокъ.

— Пойдемъ туда, шепнулъ Анѣ ея спутникъ. Тамъ насъ ожидаетъ пышный пиръ, тамъ мы будемъ желанными гостями.—Они пошли, или скорѣе полетѣли.

Голова Ани тяжело упала на подушку. Ея личико покрылось мраморной блѣдностью, длинныя шелковистыя рѣсницы опустились на блѣдныя щеки, а на устахъ застыла ясная, свѣтлая улыбка, какъ будто Аня заснула на коврѣ самолетъ.

Новый годъ незамѣтно перенесъ Аню въ ту страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни страданій.

Въ квартиркѣ Петровыхъ стало еще тише, — даже неровное, тяжелое дыханіе больной дѣвочки смолкло. Въ кухнѣ крѣпко спала кухарка, а въ маленькой спальнѣ уснула вѣчнымъ сномъ больная дѣвочка.

Почти тоже было и за стѣной, въ крошечной квартиркѣ сосѣда Петровыхъ.

Тамъ жилъ старикъ, котораго всѣ жильцы большаго дома величали „старымъ чудакомъ“. Онъ жилъ совершенно одинъ, его товарищемъ была только черная, косматая дворняшка Азоръ, старая какъ ея хозяинъ и, какъ онъ, робко поглядывавшая на прохожихъ, точно боясь, что они разобидятъ ее.

Худошавый, съ длинными, сѣдыми волосами, съ испуганнымъ робкимъ взглядомъ большихъ, черныхъ глазъ, старикъ не возбуждалъ ни въ комъ участія.

Одѣвался онъ бѣдно, выходилъ рѣдко, не разговаривалъ и не знакомился ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, и заслужилъ отъ всѣхъ прозвище „старого чудака“.

Но было время, когда Максимъ Александровичъ Левинъ не былъ такимъ чудакомъ, когда онъ не сторонился отъ людей, когда онъ гордо поднималъ опущенную теперь голову. Было время, когда Левинъ былъ отважнымъ юношей, мечтавшимъ осчастливить цѣлый міръ.

Было такое время, когда Максимъ Александровичъ цѣлыя ночи просиживалъ за письменнымъ столомъ и изъ-подъ его пера выливались чудныя пѣсни, смѣлые планы и мечты, которыя, какъ онъ надѣялся, должны были облетѣть весь міръ, внести свѣтъ и тепло въ общественную жизнь.

Но шли годы, только немногія изъ его пѣсень, только самая небольшая доля изъ его плановъ стали извѣстны людямъ, которыхъ онъ мечталъ осчастливить.

Люди не поняли ни плановъ Левина, ни его пѣсень. Они даже не обратили вниманія на нихъ и старикъ остался одинокимъ, неизвѣстнымъ, нелюбимымъ...

Какъ древній алхимикъ, посвятившій всю жизнь отысканію философскаго камня, Левинъ отдалъ всю молодость любимой мечтѣ, она замѣнила ему семью, родныхъ, близкихъ.

Маленькій мальчикъ, сидящій въ часахъ, неумоимо и безустанно повторялъ свое тикъ-такъ, тикъ-такъ! А Максимъ Александровичъ измѣнялся, не замѣчая этого самъ. Спина его сгибалась все больше и больше, черные глаза его уже не горѣли прежнимъ смѣлымъ огнемъ и на щекахъ не вспыхивалъ юношескій румянецъ.

Все больше и больше сторонился Левинъ отъ людей, которые такъ безучастно относились къ его мечтамъ и пѣснямъ и какъ-то спрятался отъ нихъ, ушелъ въ себя.

Онъ попрежнему проводилъ цѣлыя ночи за перомъ, онъ попрежнему создавалъ планы, пѣсни, но онъ уже не дѣлился ими ни съ кѣмъ, не повѣрялъ ихъ никому, онъ даже не надѣялся. Онъ даже не носилъ своихъ статей въ редакціи, а перебивался изо дня въ день перепиской и корректурой.

Ему было уже шестьдесят четыре года и онъ давно пересталъ надѣяться. Праздниковъ для Левина не существовало. Въ эти торжественные дни, когда въ самой бѣдной семьѣ чувствуется какая-то свѣтлая и тихая радость, старикъ еще больнѣе сознавалъ свое одиночество.

Одинъ сидѣлъ Левинъ въ своей каморкѣ наканунѣ новаго года. На простомъ деревянномъ письменномъ столѣ его горѣла маленькая керосиновая лампа, покрытая зеленымъ абажуромъ. Передъ старикомъ лежала кipa исписанныхъ бумагъ и онъ глядѣлъ на нихъ съ гордой, болѣзненной усмѣшкой на блѣдныхъ старческихъ губахъ.

Вотъ они плоды его бессонныхъ ночей, его трудовыхъ дней,—вотъ на что онъ потратилъ свою молодость, лучшіе годы своей жизни. Кому они нужны теперь, на что пригодны? Кому нуженъ и онъ самъ, мечтавшій осчастливить весь міръ, а теперь слабый, дряхлый и старый...

Глубоко и тяжело задумался старикъ, опустивъ голову на руки. Въ ту самую минуту его старые, какъ онъ самъ, часы стали бить разъ... три... пять... семь... девять... двѣнадцать, своимъ старческимъ голосомъ. И вотъ въ хрипломъ голосѣ часовъ старику послышался чей-то ободрительный шепотъ:

Ободришь, дѣдушка Максъ! не даромъ изжилъ ты свою молодость, лучшіе годы и силы. Ей-ей же не даромъ! Вспомни маленькаго червячка... Каждый можетъ раздавить его. Вспомни его неподвижную куколку. Однако изъ этого червячка, изъ этой куколки является блестящая крылатая бабочка, которая можетъ облетѣть весь міръ, тоже станется и съ твоими пѣснями, твоими мечтами. Развѣ ты забылъ, старикъ, что умираютъ и гибнутъ только люди, мысли же не умираютъ... Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Свѣтлая и ясная улыбка озарила губы старика при этомъ шепотѣ. Онъ бодро взялся за перо и сталъ доканчивать начатую статью, а старенкіе часы продолжали хрипѣть свое — тикъ-такъ.

Между тѣмъ на улицѣ, голубое зимнее небо, усѣянное серебристыми звѣздами, привѣтно глядѣло на покрытую ослѣпительно бѣлымъ покровомъ землю. На колокольнѣ большой каменной церкви, золотой куполъ которой ярко выдѣлялся на голубомъ фонѣ, часы мѣрно и звучно пробили двѣнадцать.

Благоговѣнно обнажили головы при этихъ звукахъ, стоящіе тутъ неподалеку съ своими санками, извозчики, ожидающіе сѣдоковъ. Многіе изъ нихъ вспомнили въ эту минуту о своихъ семьяхъ, оставленныхъ ими въ далекихъ деревняхъ и почти у всѣхъ изъ нихъ мелькнула мысль о томъ, какъ-то уродится ихъ кормилица рожь въ новомъ 1881 году, и будутъ ли ихъ близкіе и дорогіе обеспечены отъ голоду.

Мѣрный, привѣтливый звонъ церковныхъ колоколовъ отвѣтилъ имъ ободрительно:

Утѣштесь! Новый годъ будетъ счастливымъ, урожайнымъ годомъ.

А на звуки церковныхъ часовъ улыбнулись и блестящія звѣздочки, точно скрѣпляя ихъ обѣщанье улыбкою.

Раздается тихій полуночный звонъ на колокольнѣ сельской церкви, куполъ которой возвышается подобно сторожу среди низенькихъ, крытыхъ соломой, избушекъ и необозримыхъ снѣжныхъ равнинъ.

Набожно перекрестились обитатели этихъ избушекъ при звукѣ церковнаго колокола, возвѣщавшаго наступленіе новаго 1881 года. Съ тоскою и надеждою прислушивались они къ этому звуку и думали, что-то дастъ имъ новый годъ? будутъ ли онъ счастливѣе прошедшаго?

Прислушивались къ этимъ звукамъ и маленькія хлѣбныя зернышки, сладко дремавшія подъ непроницаемымъ снѣжнымъ покровомъ.

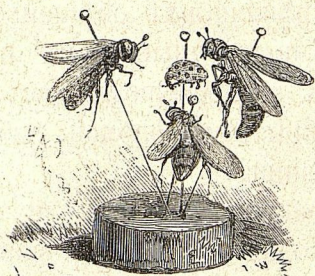
Разбудили эти звуки малютокъ отъ ихъ крѣпкаго сна и шепнули зернышки мѣрно гудѣвшему церковному колоколу:

Возвѣсти всему міру божьему, всѣмъ братьямъ-людямъ, что мы, зернышки, расцвѣтемъ пышнымъ золотомъ въ новомъ году и дадимъ обильную жатву, утѣшь ихъ!

Неумолкаемо гудѣль въ морозномъ воздухѣ церковный колоколъ: „новый годъ будетъ обильнымъ, счастливымъ годомъ!“ Подъ звукъ его однообразнаго говора спокойнѣе уснули утомленные труженики и имъ грезились пышныя, золотыя нивы.

Тикъ-такъ! тикъ-такъ, съ новымъ годомъ, читатели! Пусть этотъ новый годъ принесетъ вамъ много, много свѣтлыхъ, ясныхъ дней, пусть тикъ-такъ часовъ пробудитъ въ васъ только блестящія, радужныя надежды.

А. Сахарова.

ДИТЯ-ЦВѢТОКЪ.

(НАСТЯ КОВАЛЕВСКОЙ).

ОЛОДНОЙ, бѣлой пеленою
Покрыты улицы, дома.
Ручьи съ журчащею волною
Броней крѣпкой, ледяною
Сковала снѣжная зима.

Сорвавъ съ красавицы-дубравы
Листвы зеленые покровы,
Кружа, ихъ вѣтеръ вдаль унесъ,
И отогналъ рукой суровой
Веселыхъ пташекъ злой морозъ...

Тебя-жъ, дитя, твой ангелъ ясный
Отъ этихъ ужасовъ сберегъ,—
И ты, среди зимы ненастной,
Всегда сіяющій, прекрасный,
Весны чарующій цвѣтокъ.

Въ твоей улыбкѣ беззаботной
Заря весенняя видна;
Твой плачъ и хохотъ мимолетный,—
То пѣсня пташки перелетной...
Ты вся, дитя мое, весна!..

В. Львовъ.

ВЪ МИРѢ ИСКУССТВЪ.

I.

Архитектура.

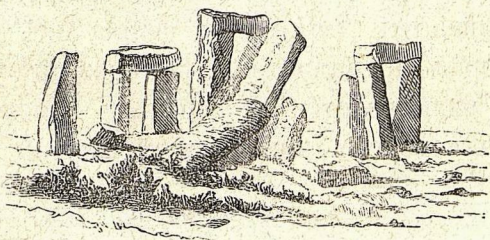
ПЕРВОБЫТНЫЙ человѣкъ, при встрѣчѣ съ природой, смотрѣлъ на нее съ простою ребенка, въ немъ не просыпалась еще мысль, онъ чувствовалъ себя среди природы дома и безотчетно бралъ изъ нея что ему было надобно и уничтожалъ что мѣшало. Житель юга — рвалъ съ деревьевъ плоды. На сѣверѣ — вырывалъ изъ земли корни, охотился за звѣрями, ѣлъ ихъ мясо и одѣвался въ холодъ ихъ шкурами, жилище зависѣло отъ климата. Тогда какъ житель холодныхъ странъ прятался въ природныя пещеры, житель странъ теплыхъ цѣлый день проводилъ на открытомъ воздухѣ; тѣнь развѣсистыхъ деревьевъ служила ему крышей, на ночь и въ непогоду устраивался онъ на крѣпкихъ сучьяхъ деревьевъ, будто въ гнѣздѣ. Долго оставаться въ такомъ единствѣ съ міромъ физическимъ человѣкъ не могъ, — разнообразныя проявленія природы стали обращать на себя его вниманіе. Что-то трогательное слышалось ему въ пѣніи утренней пташки. Онъ засматривался на нѣж-

ный цвѣтокъ, слѣдилъ какъ таинственной силой развертывался его разукрашенный вѣнчикъ. Что-то непонятное шептали ему катившіяся вдаль свѣтлыя струйки рѣки; могучимъ, потрясающимъ голосомъ гремѣлъ ему гулъ грома, раскатываясь далеко въ горахъ и лѣсахъ.

Все это говорило о какой то творческой силѣ, о Высшемъ существѣ, и вотъ человѣкъ, еще не вѣдавшій Бога, почувствовалъ Его въ природѣ и въ немъ явилась необходимость выразить это чувство какимъ-нибудь вещественнымъ знакомъ и онъ воздвигъ ему памятникъ, — вотъ начало архитектуры.

Первые памятники были просто насыпи изъ земли, или груды камней, но непременно высокіе. Этой высотой человѣкъ хотѣлъ выразить то высокое ощущеніе, какое испытывалъ къ невѣдомому Творцу. Мало по малу воздвигать памятники вошло въ привычки и обычаи народовъ, они стали устраивать ихъ и въ честь людей, чѣмъ нибудь особенно отличившихся, а затѣмъ внутри этихъ памятниковъ начали дѣлать склепы своимъ умершимъ.

Въ Европѣ встрѣчаются остатки такихъ памятниковъ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ въ видѣ кургановъ то сплюснотой, продолговатой формы, то острой и внутри выложенные камнями — это были склепы. Иногда такіе курганы стоятъ въ одиночку, иногда по нѣскольку вмѣстѣ. Другіе памятники были просто каменные столбы, или связанные камни изъ двухъ прямо стоявшихъ камней, на которыхъ лежалъ еще третій.

Священные столбы.

Нельзя точно опредѣлить къ какому именно времени принадлежать первые европейскіе памятники, но, вѣроятно, они относятся къ послѣднему тысячелѣтію передъ Рождествомъ Христовымъ.

Болѣе усовершенствованные памятники встрѣчаются время отъ времени въ Сѣверной Америкѣ и на южно-океанійскихъ островахъ, они имѣютъ уже болѣе правильную форму, состоятъ изъ соединенныхъ между собою, правильно обтесанныхъ камней и называются морай. Такой морай открытъ на южномъ берегу острова Отаити. Онъ возвышается на 10-ти ступеняхъ, до восьми сажень высоты. Прозрачнымъ фономъ рисуются за нимъ легкія очертанія горъ острова. Широколистные пальмы граціозно высятся кругомъ. Благотная природа острова представляется земнымъ раемъ, — здѣсь она не могла не отозваться въ ихъ душахъ чувствомъ благодарности къ создателю этихъ безмятежныхъ долинъ, не знающихъ вредныхъ животныхъ; этихъ пышныхъ хлѣбныхъ деревьевъ, плодами которыхъ питаются цѣлыя семейства; этихъ душистыхъ цвѣтовъ, служащихъ лучшимъ украшеніемъ жителямъ острова, этого почти всегда безоблачнаго неба, цѣликомъ отражавшагося въ прозрачныхъ, какъ кристалъ, рѣкахъ и водопадахъ.

Но вотъ, не довольствуясь высокими памятниками невидимаго божества, человѣкъ пожелалъ поклоняться видимымъ предметамъ. Онъ олицетворяетъ природу множествомъ вымышленныхъ божествъ и приносить имъ жертвы. Преніе простые памятники преобразуются въ жертвенные алтари — первые храмы. Такіе алтари открыты въ Мексикѣ. Они называются теокалліи, форма ихъ правильная пирамида, которая поднимается нѣсколькими уступами, съ лѣстницами, и оканчивается плоскостью, плоскость эта и была алтарь, на которомъ приносились жертвы богамъ.

II

Египетъ и древняя Азія.

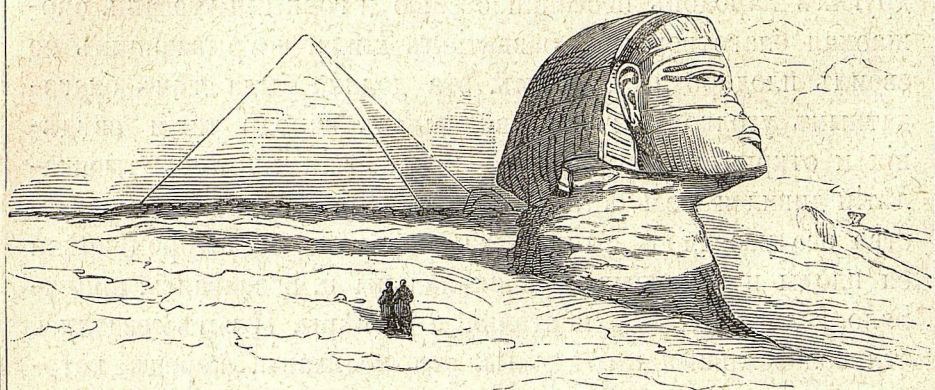
Но самые древніе памятники искусства, именно за три тысячи лѣтъ до Р. Х., находились въ Египтѣ, гдѣ какъ искусства, такъ и науки развились ранѣе и достигли высшаго совершенства.

Узкая долина Нила, съ незапамятныхъ временъ, отличалась развитіемъ своего народа. Защищенная отъ нападений другихъ народовъ песчаной степью и горными утесами, орошаемая благотворнымъ разлитіемъ Нила, покрывающимъ ее своимъ плодороднымъ иломъ, эта долина была тѣмъ благодатнымъ уголкомъ, гдѣ развились въ народѣ такія свѣдѣнія и открытія, которымъ по прошествіи многихъ тысяча-лѣтій дивился весь остальной міръ. Не мудрено, что и искусство его развилось съ тою же скоростью, съ которой зрѣли ея плоды и раскидывались ея пальмы и, развиваясь, принимало величавые, монументальные размѣры. И вотъ создались эти колоссальныя пирамиды, эти великаны, передъ которыми люди казались какими-то жалкими крошками, затерявшимися въ степи.

Пирамиды эти съ ихъ острой вершиной строились отчасти изъ каменныхъ плитъ, отчасти изъ кирпичей, приготовленныхъ изъ высушеннаго нильскаго ила. Внутри, обыкновенно уже въ землѣ, устраивался склепъ, куда вель снаружи особый ходъ. Съ другой стороны часто устраивали родъ храма для поминовенія усопшихъ.

Самыя древнія, великолѣпныя и громадныя пирамиды это—царя Хеопса 480 футовъ, пирамида царя Хефрена 454 фута высоты. Кромѣ ихъ замѣчательно еще чудовищное изваяніе лежащаго Сфинкса (съ человѣческой головой и туловищемъ льва), онъ былъ изсѣченъ изъ каменной скалы и имѣлъ въ вышину 65 футовъ. Но теперь онъ засыпанъ пескомъ до самой головы, которая сильно повреждена.

Вслѣдъ за развитіемъ памятниковъ, люди стали болѣе заботиться и о постройкѣ своихъ домовъ, а затѣмъ цѣлыхъ селеній и городовъ, вмѣсто прежнихъ пещерныхъ жилищъ. Но и тутъ, болѣе всего обращали вниманіе на постройку храмовъ и дворцовъ или чертоговъ,—послѣ боговъ они воздавали своимъ царямъ почти божескія почести. Всѣ эти зданія снаружи походили формой на пирамиды. Внутри образовались дворы, залы, всякаго рода покои и храмины, а въ глубинѣ—святилище. Для отдѣленія залъ одной отъ дру-

Пирамида и Сфинксъ.

гой, стали воздвигать колоннады, то есть ряды правильно расположенныхъ колоннъ, на которыя опирались кровельныя плиты. Дворы тоже обносились колоннами и портиками *).

Самымъ богатымъ и главнымъ городомъ древняго Египта были Оивы, гдѣ всего болѣе находилось блистательныхъ памятниковъ. Въ послѣднее тысячелѣтіе передъ Р. Х. въ области Фаюмъ построень рѣдкій по архитектурѣ и расположенію дворецъ съ храмами—Лабиринтъ, считавшійся у древнихъ за одно изъ пяти чудесъ свѣта. Это была громадная масса зданій, съ двѣнадцатыо дворами и, повидимому,

*) См. рисунки зданій жилищъ, журналъ „Игрушечка“ 1880 годъ.

съ одной главной залой посрединѣ съ запутанными переходами въ безчисленныхъ рядахъ колонъ между окружающими ея покоями.

Изъ замѣчательныхъ памятниковъ древней Азіи выдается памятникъ Вавилона, съ его знаменитой башней, о которой говорится въ священной исторіи Ветхаго Заѡта. Затѣмъ, прослѣдивъ искусство Ассиріи, Мидіи, Финикіи и Израиля, увидимъ, что вездѣ архитектура впервые проявилась въ памятникахъ, которые постепенно усовершенствовались и украшались. Такъ у еврейскаго народа находимъ малую Скинію Заѡта, походный храмъ, который іудейскій народъ носилъ съ собою во время своихъ передвиженій. На устройство ея имѣла отчасти вліяніе египетская архитектура, такъ какъ евреи вышли изъ Египта подъ руководствомъ Моисея, получившаго и высшее помазаніе вождя и образованіе при дворѣ Фараоновъ. Скинія состояла изъ деревянныхъ стоекъ, столбовъ и распорокъ, одѣтыхъ листовымъ золотомъ, и изъ великолѣпной ковровой покрывки. Дворъ вокругъ нея ограживался кованымъ металломъ, стойками и протянутыми между нихъ коврами. По образцу ея созданъ знаменитый храмъ Соломона, отдѣланный съ необыкновенной роскошью.

III.

Индія.

Индія—это какой-то сказачный, фантастическій міръ. Въ немъ все или колоссально, или ничтожно. Предѣловъ—нѣтъ. Среди хаоса иносказаній, мифовъ, чудовищныхъ фантазій, временами блестятъ яркія захватывающія душу мысли и образы дивнаго изыщества и долго держатъ подъ своими чарами. Въ этомъ сказочно-волшебномъ мірѣ все своеобразно, начиная отъ природы до нравовъ, обычаевъ и умственного склада ея жителей и соотвѣтствуетъ одно другому. Роскошная природа поражаетъ разнообразіемъ и количествомъ формъ и блескомъ красокъ. Точно шатеръ вы-

сится въ лѣсу широкая крона, а рядомъ съ нею лѣзетъ вверхъ пирамидальная вершина. Изъ-за ярко зеленой листвы выдвигается дерево, осыпанное бѣлыми пахучими цвѣтами, за ними среди безконечно разнообразныхъ формъ листьевъ алѣютъ, голубѣютъ и сверкаютъ золотомъ — цѣлыя группы восхитительныхъ цвѣтовъ.

Подъ такими-то впечатлѣніями сложилась и поэзія, и въра индусовъ и отпечатлѣлась и на ихъ искусствахъ.

Поэзія создала собраніе фантастическихъ рассказовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Махабараты“. Одно изъ этихъ сказаній „Наль и Дамаянти“ изложилъ въ своихъ прекрасныхъ стихахъ нашъ поэтъ Жуковскій. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ путешествія Дамаянти по лѣсамъ Индіи:

Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту, и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрeksiсь.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душой на землѣ небожители въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древестные были. Дивясь, смотрѣла на этотъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовѣрно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ, сверкали ручьи, на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, поугай.

А вотъ другая картина лѣса, съ трагической развязкой:

Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ, Дамаянти
Спутниковъ много имѣла теперь, но была и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По горамъ, по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ однажды съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера; въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло неподвижно-прозрачны

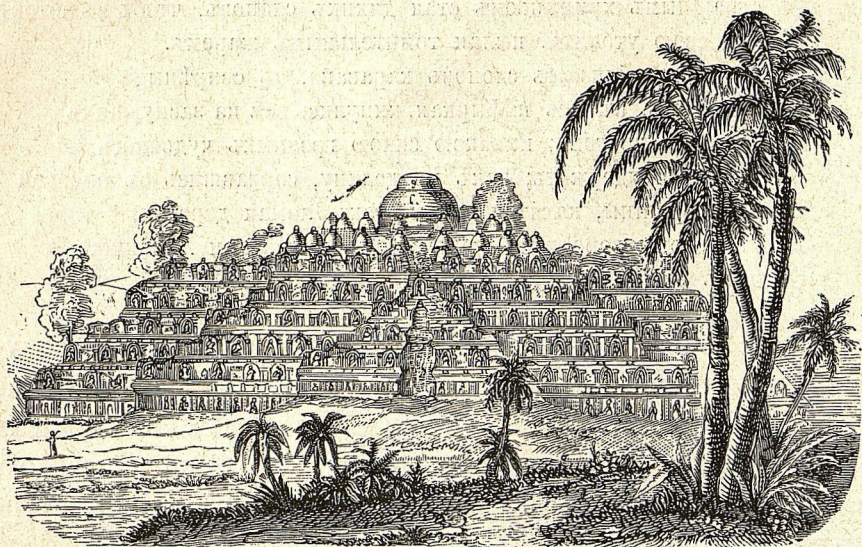
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ водяныя
 Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны
 Легкія струйки, ласкаясь къ нимъ, осыпали ихъ листья.
 Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ него то глубокой
 Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое лоно зеленымъ
 Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ пріютномъ
 Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ и верблюдовъ
 Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ открытымъ
 Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь (когда въ караванѣ
 Всѣ, какъ мертвые, были отъ сна) съ горы прибѣжала
 Съ страшнымъ хрипѣньемъ стая дикихъ слоновъ, чтобъ въ потокѣ
 Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жаромъ.
 Но почувявши близость слоновъ каравана, съ свирѣпымъ
 Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая, кинулись всѣ на заснувшихъ
 Смиранныхъ враговъ; никакою силою грозныхъ чудовищъ
 Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвавшись съ высокой
 Горной вершины, катятся скалы, такъ, ломая деревья,
 Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топтали лежащихъ
 Сонныхъ людей.

Подъ впечатлѣніями природы и поэзіи вѣра инду-
 совъ раздѣлилась на два ученія—брамаизмъ или ученіе
 Брамъ, буддизмъ или ученіе Будды. Подъ вліяніемъ
 этихъ двухъ ученій, развилось и искусство, оно проявилось
 въ началѣ, какъ и у всѣхъ народовъ, въ архитектур-
 ныхъ памятникахъ.

Брамаизмъ придалъ своимъ сказаніямъ и искусству фан-
 тастическій характеръ чудесныхъ красотъ природы и поэзіи,—
 простые, первобытные памятники—столбы, быстро перешли
 въ зданія, обширные города, обнесенные огромными кир-
 пичными валами, со стѣнными башнями. Внутри городовъ
 разбили тѣнистые парки; воздвигли дворцы и храмы, не-
 рѣдко украшенные золотыми колоннами, съ странными фан-
 тастическими отдѣлками, напоминающими какъ природу
 страны, такъ и ученіе Брамъ—исполненное нѣги, роскоши,
 удовольствій, требующее въ самыхъ обрядахъ жертвоприно-
 шеній, веселья, плясокъ и пѣсенъ.

Буддизмъ же проповѣдывалъ простоту, сдержанность,

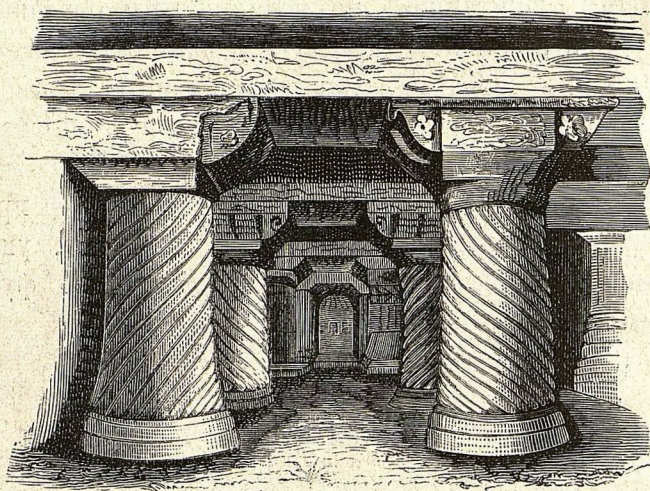
строгость. Онъ развился подъ таинственнымъ вліяніемъ разныхъ явленій природы. Въ глухихъ раскатахъ грома, въ блескѣ молніи, въ потокахъ дождя и воѣ вѣтра—ему слышались голоса вышихъ духовъ. Первые памятники этой религіи проявились въ видѣ кургана, формы полушарія. По ученію Будды, въ этомъ полушаріи видѣлся образъ водянаго пузыря, означающаго мимолетность земной жизни.

Храмъ ученія Брамъ.

Строгая жизнь, которой училъ буддизмъ, привелъ къ устройству монастырей или отдѣльныхъ уединенныхъ жилищъ. Сначала стали пристроивать къ священнымъ курганамъ небольшія помѣщенія или кельи; потомъ дѣлать отдѣльныя зданія съ храмами и пристройками вокругъ. Простотою характера, рѣзко отдѣляющагося отъ причудливыхъ формъ храмовъ послѣдователей ученія Брамъ, стройностію и величавостію, одно время буддизмъ вытѣснилъ было брамизмъ — это тотчасъ же отразилось и на архи-

тектурѣ всего Индостана. Отъ этого періода остались прекрасныя пещерныя храмины, поддерживаемыя массивными коллонами, окруженныя цѣлымъ рядомъ мелкихъ келій,—все это благородной, строгой формы, не лишенной художественности. Когда же мало по малу, снова явился перевѣсъ брамаизма, то къ строгой архитектурѣ буддизма начинаетъ опять

Пещерный храмъ ученія Будды.

примѣшиваться фантастическій характеръ, выдумавшій новую, такъ называемую, вольную постройку, безъ всякаго стиля, гдѣ все такъ же перепутано и разнообразно, какъ въ индѣйскомъ лѣсу, опутанномъ граціозными гирляндами и коварными ліанами. И вотъ возникаетъ масса фантастическихъ дворцовъ и храмовъ, башенъ и пагодъ, разукрашенныхъ самымъ невѣроятнымъ образомъ, поражающимъ воображеніе.

Подъ вліяніемъ индѣйской архитектуры, развилась архитектура Китая, — китайцы слѣдовали ученію Будды подъ названіемъ Фо. Лишенные поэтическаго воображенія индусовъ, китайцы проявились въ архитектурѣ, какъ

кропотливые мастера — рабочіе, и фантастическая архитектура индусовъ подверглась у нихъ преобразованію съ щепетильнымъ характеромъ, лишеннымъ художественнаго вкуса. Ихъ монументы — многоэтажныя башни. Каждый ярусъ выступаетъ выгнутою крышей, съ звенящими по краямъ ея колокольчиками. Все это покрыто пестрыми красками, позолотой, лакомъ. Самый знаменитый изъ такихъ памятниковъ девятиярусная фарфоровая башня, въ Нанкинѣ. Храмы у китайцевъ не велики, рѣдко выше одного яруса. Колонны большею частію деревянныя, также покрыты блестящимъ краснымъ лакомъ, который такъ любятъ китайцы, иногда наверху съ вызолоченными рѣшетками.

Къ числу многихъ полезныхъ сооруженийъ въ Китаѣ относится колоссальная стѣна, окружающая Китай, предохранявшая его отъ нападенія монголовъ. Стѣна эта, укрѣпленная бастіонами, имѣетъ 400 миль въ длину, 25 футовъ въ вышину и столько же въ толщину.

ЛѢСА ИНДІИ.

КАКАЯ растительность! Величественно-гигантскій бананъ образуетъ громадную палатку, поддерживаемую многочисленными столбами. Столбы эти—воздушные корни, окружающія дерево точно цѣлая роща. Священная смоковница,—которой индусы поклоняются, вѣря, что подъ нею родился ихъ богъ Вишну,—наливаетъ свои сочные плоды. Прелестная кокосовая пальма разметала высоко, на яркомъ небѣ, свою перистую крону. Исполинскій бамбукъ тѣсно стелется подлѣ, потряхивая своими метелками, составленными изъ безчисленныхъ колосьевъ. Неуклюжее алоэ съ его твердыми, колючими листьями, растетъ себѣ, привольно, подлѣ нѣжной, стыдливой мимозы, что покачивается, будто въ сладкой дремотѣ, легкими, перистыми вѣтками и пушистыми, розовыми цвѣтами. Ярко алѣютъ пышные цвѣты колючаго кактуса, съ его сладко-кислыми плодами, извѣстными подъ названіемъ индійскихъ фигъ. Граціозная ваниль нѣжно лѣпится по стволу стройной финиковой пальмы, а подлѣ коварная ліана, будто толстыми веревками, обвилась около крѣпкаго мушкатника и, разрастаясь, силится опутать его своими цѣпями и изсушить до смерти.

Сплошной массой разрослись выющіяся растенія, на ихъ легкой, но твердой стѣнкѣ, будто драгоцѣнные камни, пе-

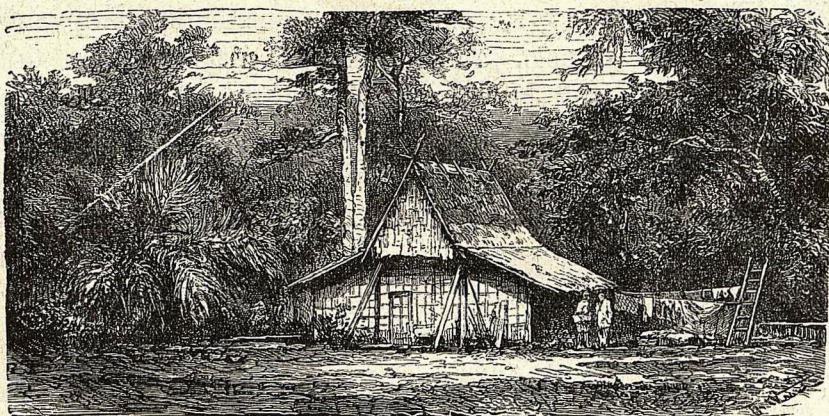
стрѣя, благоухаютъ тысячи цвѣтовъ, самой причудливой формы. Пестрыя орхидеи, видомъ похожія то на крылато-го насѣкомаго, то на птичку, смѣняются ярко окрашенными потосовыми цвѣтами. Прелестныя бигоніи, пасифлоры и блестящіе цвѣты хиннаго дерева, древовидныя папоротники съ тонкими, будто кружево, листьями, гигантскіе листья геликоній, исполинскіе цвѣты паслеповъ,—все это смѣшалось, перепуталось, и блеститъ красками и обдаетъ ароматомъ.

Порой, подъ этой темной, развѣсистой сѣнью, блеснетъ, гдѣ-то внизу, водное пространство. Красивыя поросли покрыли воду своими роскошными вѣтвями. Изъ-за порослей выглядываютъ большіе султаны бѣлыхъ цвѣтовъ инга и пурпурово-красныя цвѣты прелестныхъ комбрецій, водяныхъ лилій и нелумбій; а вотъ, гигантскіе листья викторіа регіа, будто огромныя подносы, съ загнутыми кверху краями рѣшетками, съ громадными пахучими цвѣтами изъ бѣлыхъ розовыхъ лепестковъ. Съ стройныхъ пальмъ свѣсились надъ водою гирлянды душистыхъ цвѣтовъ. Пестрыя попугаи, съ рѣзкимъ крикомъ, перелетаютъ съ дерева на дерево. Малютки колибри, будто драгоценныя камни, сверкаютъ въ воздухѣ. Цѣпи красивыхъ утокъ гогочутъ на вѣткахъ, выдавшихся надъ водою; красный ибисъ мѣрно бродитъ вдоль берега. Бѣлая цапля летитъ въ вышинѣ. Страшный крикъ ревуна будитъ тишину лѣса. Гдѣ-то, вдали, стонетъ лѣнивонецъ. Стая обезьянъ кувиркается черезъ вѣтки деревьевъ. Нѣжно воркуетъ лѣсной голубъ. Пятнистыя игуаны и саламандры покоятся на раскаленныхъ плитахъ скалъ. Пестрый змѣй тихо скользитъ по землѣ. Блестящіе жуки и бабочки стаями кружатся въ воздухѣ. Дикій звѣрь отдыхаетъ въ своей берлогѣ вблизи, душистаго ананаса зрѣющаго на жаркомъ солнцѣ.

Какой-то фантастической поэзіей вѣетъ отъ этой чарующей природы, и подъ этимъ-то вѣяньемъ слагаются въ ея народѣ чудныя сказанія, поражается фантастическая

вѣтра, съ своеобразными фантастическими образами, блестящими радужными красками ея цвѣтовъ, благоуханными, какъ ея плоды, пѣвучими, какъ голоса пернатыхъ жителей ея лѣсовъ. Но вотъ, взоръ индуса обращается вдаль; туда, гдѣ на горизонтѣ рисуется исполинская гряда горъ Гималая съ ея снѣжными вершинами—„Снѣжный дворецъ“, какъ его именуютъ индусы. Ясный день тмится. Въ верхнихъ слояхъ воздуха раздается глухой раскатъ грома. Свистъ и вой вѣтра спускаются все ниже, все глубже. Уже слышны удары верхнихъ вѣтвей гигантскихъ деревьевъ; молніи разрѣзаютъ густую тьму; стогласное эхо разноситъ раскаты грома по трепещущей чащѣ. Съ корнемъ вырванныя вѣтромъ, съ трескомъ и гуломъ падаютъ на землю тысячилѣтнія деревья и ломаютъ своею тяжестью сосѣднія молодыя деревья. Съ дикимъ голосомъ бунтующихъ стихій и гибнущихъ деревьевъ сливается дикій вой и ревъ испуганныхъ звѣрей и человѣкъ трепещетъ и въ этомъ небесномъ голосѣ слышится ему гнѣвный голосъ боговъ,—и страхъ, и ужасъ наполняютъ его воображеніе.

С. Л—ва.

МОРДВА.*)

Этнографическій очеркъ.

— Мордва, сколько васъ?

— „Одна!“ —

НАРОДНАЯ ОСТРОТА.

I.

О ВРЕМЕНА стародавнія, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ, говоритъ народная молва мордовская, жилъ знатный, сильный Мордвинъ-Соколь. Онъ былъ другъ и товарищъ такому же знатному и сильному Мордвину-Соловью, тому самому, что связанъ былъ Ильей Муромцомъ. Женился Соколь на восемнадцати женахъ и было у него семьдесятъ сыновей. Всѣ жили они вмѣстѣ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на Оку-рѣку. Тутъ же въ ущельѣ жилъ чародѣй Дятель, тоже мордвинъ и тоже пріятель Соловью. Вотъ разъ Соколь и спрашиваетъ Дятла о судьбѣ семидесяти сыновей своихъ. Дятель сказалъ ему: „Если дѣти твои будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, то долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами, а

*) Мори—по-мордовски человекъ. Отсюда и явилось названіе этого финскаго племени.

поссорятся—русскіе покоряють ихъ. И тогда здѣсь, на устьѣ Оки, поставятъ русскіе городъ каменный крѣпкій, и не одолѣютъ его силы вражія“. Сказавши это, Дятель просилъ Сокола о честномъ погребеніи его. Умеръ Дятель въ глубокой старости и похоронилъ его Соколъ на горѣ, на устьѣ Оки-рѣки, и прозвалось то мѣсто Дятловой Горы. Потомъ умеръ и Соколъ, завѣщавъ семидесяти сыновьямъ своимъ миръ и согласіе. И оплаканъ былъ Соколъ дѣтьми своими и похороненъ съ честію повыше Дятловой горы (вверхъ по теченію Оки) тоже на горѣ за оврагомъ, которая называется Соколомъ-горою. Сыновья и внуки Сокола *) жили хорошо между собою, но потомки ихъ размножились и стали враждовать другъ съ другомъ. И свершилось предсказаніе чародѣя Дятла: одинъ святой князь, Андрей Боголюбскій, согналъ ихъ съ устья Оки, другой святой князь, Георгій, поставилъ на Дятловыхъ горахъ Нижній-Новгородъ.

Всѣ финскія племена, въ томъ числѣ и мордва, съ давнихъ временъ засѣли въ сѣверовосточной Европѣ въ сосѣдствѣ съ славянами, преимущественно въ нынѣшнихъ поволжскихъ губерніяхъ. Жили они родами, изъ которыхъ образовались племена. Болѣе живучими оказались четыре—Эрзя въ Нижегородской губерніи и его уѣздахъ, Каратаи—въ Казанской губ., Мокша — въ Тамбовской, Пензенской, Саратовской губ., Тергоханъ — самое малое племя, сѣвернѣе отъ другихъ.

Хотя мордва жила и бокъ о бокъ съ славянами, но она была не зависима, исправляя свои моленья на горахъ и въ лѣсахъ, занимаясь пастушествомъ на лугахъ и звѣро-

*) У некрещеной мордвы остался обычай до сего времени давать своимъ новорожденнымъ имена птицъ, напр. Торай—гусь, Тыръ—пыръ—дикий голубъ и т. п. Это ясно говоритъ, что мордва до сего времени находится въ младенческомъ духовномъ состояніи подъ непосредственно чарующимъ ихъ вліяніемъ окружающей природы... Птицы, животныя, деревья и они сами въ дѣтскомъ представленіи народа—младенца—всегда отождествлялись въ нѣчто единое братское, одинаково чувствующее, говорящее и дѣйствующее. Отчего въ народныхъ сказкахъ волки, лисы и др. дѣйствуютъ и мыслятъ какъ и люди.

ловствомъ въ перелѣсахъ, находясь въ сторонѣ отъ центровъ княжескихъ владѣній—Новгорода, Кіева. Съ началомъ же удѣловъ славянскіе князья начинаютъ тревожить мордву, отгѣсня ея далѣе и далѣе къ окраинамъ. Въ 1182 великій князь Всеволодъ Юрьевичъ смирялъ мордву, бралъ дань и заложилъ на Дятловыхъ и Соколовыхъ горахъ городъ крѣпокъ съ валомъ и бойницами — это Нижній-Новгородъ. Но неудержимый потокъ монголовъ обезсилилъ надолго русскую землю и мордву постигла та же участь, — золотая Орда раскинулась именно на низовьяхъ широкой Волги, гдѣ сидѣла изстари и мордва. Но изъ подъ гнета монгола постепенно поднимается свою покорную голову Русь московская, тихо народившаяся изъ вотчины, никѣмъ почти незамѣченной, боярина Кучки въ густомъ бору на Неглинной, Москвѣ и Яузѣ въ отчину княжескую въ родѣ Калиты, гдѣ и явился Иванъ Грозный—первый царь Руси. Онъ идетъ и на обезсиленнаго монгола въ его Казань, грознымъ движеніемъ показать силу и славу Москвы, развернувшейся изъ его посадовъ въ великій городъ. Ѣдетъ Иванъ Васильевичъ на стругахъ по Волгѣ-рѣкѣ съ своими вѣрными слугами и видитъ на Дятловыхъ горахъ —

Мордва своему Богу молится,
 Къ землѣ матушкѣ на востокъ поклоняется...
 Ёдетъ мурза, московскій царь по Воложкѣ,
 По Воложкѣ на камешкѣ.
 Говоритъ мурза людямъ своимъ:
 „Слуги вы мои вѣрные,
 „Слуги вѣрные, неизмѣнные,
 „Поглядите-ка, посмотрите-ка
 „Вы на тѣ-ли на горы, на Дятловы,
 „Что это за березникъ мотается,
 „Мотается—шатается
 „Къ землѣ матушкѣ преклоняется?...
 Слуги пошли, доглядѣли...
 Видятъ слуги: на горахъ на Дятловыхъ
 Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ,
 Стоитъ, своему богу молится,

Къ землѣ матушкѣ на востокъ поклоняется.

Слуги воротились,

Низко мурзѣ поклонились;

Говорятъ мурзѣ, московскому царю:

„То не березникъ мотается...

.

„То мордва своему богу молится

„Къ землѣ матушкѣ преклоняется“.

—Зачѣмъ же они кругомъ становятся;

Съ чѣмъ же они молятся?

Отвѣчаютъ мурзѣ слуги вѣрные:

„Стоять у нихъ въ кругу бадьи могучія,

„Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,

„Въ рукахъ держать ковши завѣтные,

„Завѣтные ковши, большіе набольшіе

„Хлѣбъ да соль на землѣ стоять,

„Каша да яичница на рычагахъ висять,

„Вода въ чанахъ кипить,

„Въ ней говядину янбедъ варить... *)

И сказалъ слугамъ мурза, московскій царь:

„Слуги вы мои, подите,

„Слуги вѣрные, отнесите,

„Мордвѣ на молянѣ скажите:

„Вотъ вамъ боченокъ серебра, старики,

„Вотъ вамъ боченокъ злата, молеельщики,

„На мордовскій молянѣ такъ и ступайте,

„Старикамъ мордовскимъ серебро, злато, отдайте“.

.

И вотъ слуги мурзы идутъ къ мордвѣ.

Старики серебро, злато приняли,

Сусломъ сладкимъ слугъ напоили,

Слуги къ мурзѣ приходятъ,

Вѣсть мурзѣ приносятъ:

„Угостили насъ, напоили насъ сусломъ сладкимъ,

„Накормили насъ хлѣбомъ мягкимъ“.

Мордовскіе старики, получивъ деньги отъ мурзы, послѣ моляна судили, рядили, что имъ мурзѣ въ даръ дать, что московскому царю послать?

*) Янбедъ—одинъ изъ четырехъ помощниковъ „Возаты“—главнаго жреца.

Меду, хлѣба, соли взяли,
 Блюда могучія поклали,
 Съ молодыми ребятами послали.
 Молодые ребята приустанови сѣли,
 Медъ, хлѣбъ, да соль поѣли,
 Говорятъ: „старики не узнаютъ!“
 Земли и желта песку въ блюда наклали,
 Наклавши пришли
 И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
 Мурза землю и песокъ честно принимаетъ
 Крестится, Бога благословляетъ:
 „Слава тебѣ, Боже царю!
 „Что отдалъ въ мои руки мордовскую землю!“
 Поплылъ мурза по Воложѣ
 По Воложѣ на камушкѣ:
 Гдѣ бросить земли горсточку —
 Быть тамъ градечку;
 Гдѣ бросить щепоточку —
 Быть тамъ селеньицу.

Такъ молва мордовская, надобно полагать, подъ вліяніемъ
 сосѣдей русскихъ, сложила эту поэтическую легенду объ окон-
 чательномъ покореніи ея Москвою.

Не устояли „панки“ мордовскіе предъ движеніемъ князя
 Юрія на мордву. Еще дольше въ памяти мордвы остался гроз-
 ный царь Иванъ Васильевичъ. О немъ разсказываются пре-
 данія; ему приписывается происхожденіе каждаго кургана,
 насыпаннаго въ степи. О немъ поется:

Грозенъ былъ воинъ царь, нашъ батюшка,
 Первый царь Иванъ Васильевичъ,
 Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ—силою,
 Онъ прошелъ землю мордовскую,
 Себѣ царство взялъ Казанское,
 Мимоходомъ Астраханское,
 Вывелъ Перфила изъ Новгорода,
 Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ.

Чтобы обрусить мордву, какъ и другихъ волжскихъ ино-
 родцевъ, Иванъ Васильевичъ избралъ средствомъ распро-

страненіе христіанства. Крещеніе было насильственное—мордва побѣжала въ лѣса. Въ смутное время мордва выдвигается изъ лѣсовъ и овраговъ и въ 1607 году толпами дѣлаеть нападенія не только на русскія села и деревни, но и на войско царя Василя (Шуйскаго). Юный царь Михаилъ, принявъ послѣ смутъ нестройную Русь, строить ее въ порядокъ,—все стихаетъ на время даже и среди инородцевъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ выдвигается строгая характерная личность патріарха Никона, по происхожденію мордвина. Въ обращеніи мордвы въ христіанство онъ видитъ залогъ слитія своихъ родичей съ Россіей и отправляетъ въ Рязань архіепископомъ Мисаила. Мисаиль ревностно обращаетъ мордву, по его приказу рубятъ ихъ священныя рощи и сожигаютъ срубы на ихъ кладбищахъ. Но въ 1655 году, когда Мисаль на страстной недѣлѣ убѣждалъ къ крещенію мордву, кто-то изъ взволнованной толпы слушателей пустилъ въ него стрѣлу и онъ палъ смертельно раненый. Окровавленная архіерейская мантия до сихъ поръ хранится подъ гробницею его въ Рязани въ Архангельскомъ соборѣ. Затѣмъ волненія въ средѣ мордвы то стихаютъ, то возобновляются въ дни Степана Разина и Емельяна Пугачева и кончаются когда мордву стали расселять по русскимъ деревнямъ, а русскихъ поселять въ средѣ мордвы, тутъ совсѣмъ уже стихаютъ. Теперь мордва живетъ какъ и всѣ русскіе крестьяне. Преданія и старыя вѣрованія ея смѣшались съ обычаями славянскими и съ вѣрованіями христіанской религіи.

II.

Мордва не знала идоловъ; она совершала свои моленія въ лѣсахъ, гдѣ были у ней священныя деревья,—тамъ приносились жертвы, тамъ шепотомъ творилась молитва солнцу, лунѣ, Чамъ-Пасу, или Пасу, Шкаю *), который не имѣетъ

*) Чамъ-Пасъ, Пасъ, Шкай—верховный богъ.

ни начала, ни конца, котораго видѣть нельзя, — онъ звѣзда боговъ и богинь (добрыхъ и злыхъ духовъ). Чамъ-Пасъ любитъ свои созданія, отъ него — одно добро, но чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану сотворить злыхъ духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ.

Кромѣ вѣчнаго бога, у мордвы были духи, которые размножались, исполняя разныя службы Чамъ-Паса (добрые духи), Шайтана (злые духи); первые были вездѣ и повсюду; послѣдніе — постоянно въ водѣ и временно куда ихъ пускалъ Чамъ-Пасъ.

Чамъ-Пасъ сотворилъ богиню Анге-Патяй (мать богиня). Она источникъ жизни и плодородія земли. У нея было четырнадцать сыновей и дочерей — олицетворявшихъ разныя силы природы.

За этими четырнадцатью божествами идетъ рядъ меньшихъ божествъ. Каждое дерево, каждая букашка, каждая извѣстная мордвину птичка имѣли своихъ покровителей боговъ.

Принявши христіанство, мордва отождествила святыхъ православной церкви съ своими древними понятіями о божествахъ, на что еще ранѣе повліяло сближеніе мордвы съ славянами. Такъ особенно уважаемый русскимъ народомъ Николай чудотворецъ издавна почитался у мордвы. Мордва празднуетъ 9-го мая и 6-го декабря, когда празднуется память св. Николая православною церковью, Николѣ-Пасу, отождествляя этого святаго: весною — съ Мастыремъ-Пасомъ, богомъ растительности, зимой — съ Назаромъ-Пасомъ, богомъ зимы, ночи, луны. Такимъ образомъ мордва постепенно перевела свои божества, съ принятіемъ христіанства, на всѣхъ святыхъ и угодниковъ вѣры новой, скорѣе внѣшне, чѣмъ внутренне.

Мордва въ старину молилась въ лѣсахъ, поляхъ, на кладбищахъ, всегда подъ открытымъ небомъ, не имѣя никакихъ храмовъ. И теперь нерѣдко крещенные совершаютъ тайно моленія по прежнему на кладбищахъ — кереметахъ. Кере-

меть—названіе и кладбищу, и мѣсту общественнаго моленія. Въ лѣсу или роцѣ избирались ровныя площадки, которыя иногда огораживались плетнемъ, а иногда высокимъ тыномъ. На такой площадкѣ врывалось нѣсколько столбовъ, къ одному столбу привязывали лошадей, къ другому — быковъ, къ третьему—овецъ, затѣмъ на западъ врывали еще три столба, гдѣ закалались эти жертвенныя животныя.

На кладбищахъ совершали молитвы на самыхъ могилахъ, на которыхъ высились срубы изъ бревенъ, съ тесовою крышей, тамъ ѣли блины, пили пиво.

Домашнія моленія и жертвоприношенія совершались или на шесткѣ печи, на загнеткѣ *), или на камнѣ во дворѣ.

Главный жрецъ на общественныхъ моленіяхъ читалъ молитвы, распоряжался жертвоприношеніемъ, его двѣнадцать помощниковъ избирались изъ самыхъ почетныхъ стариковъ волости, предъ каждымъ общимъ моленіемъ. Кромѣ помощниковъ, было три человѣка, которые за три дня до моляны отыскивали рыжаго быка, бѣлаго барана, вообще одношерстное животное, и, купивъ его на собранныя общественныя деньги, приводили на молянья, гдѣ и закалывали.

Въ моленіяхъ мордвы не было почти ничего торжественнаго, они состояли въ краткой молитвѣ верховнаго жреца, съ священнаго дерева, въ поклонахъ молящихся, паданіи на землю съ повтореніемъ словъ молитвы за своимъ жрецамъ.

III.

Современная намъ мордва обрусѣла до того, что перзабыла не только обычаи, моляны, но и самый языкъ своихъ предковъ. Праздники ея — это смѣсь древне-мордовскаго и древне-славянскаго въ соединеніи съ обычаями современнаго намъ крестьянина.

*) Загнетка—лѣвая сторона шестка широкой русской печи, куда сгребается жаръ.

Такъ напр. наканунѣ Рождества у мордвы дѣти „колядуютъ“, какъ это дѣлается у малороссовъ. Кѣляда происходитъ у мордвы отъ любимаго ихъ дерева березы (кѣль—березовый, кѣлу—береза). Съ свѣжею березкой ходятъ дѣвушки и вдовы во время лѣтняго праздника нашего Троицына дня, а наканунѣ Рождества распариваютъ березовые вѣники въ горячей водѣ и молоко съ добавленіемъ выпущенныхъ яицъ и проса.

Въ рождественскій сочельникъ вечеромъ собираются дѣти обоюго пола до пятнадцатилѣтняго возраста. Дѣвочки съ березовыми распаренными прутьями, обвязанными платками и вышивными полотенцами. Мальчики съ палками, колокольчиками, бубенчиками и печными заслонами. Впереди дѣвочка носить мѣшокъ, а предъ ней другая идетъ съ освѣщеннымъ фонаремъ на палкѣ, держа его высоко. И переходя отъ избы къ избѣ, поютъ:

Кель, Келяда *),
Золотая борода!
Ходимъ по нуждѣ своей.
Приходила Келяда,
Растворай ворота.

.

Во время этого пѣнія мальчики звонятъ въ колокольчики и бубенчики, стучать въ заслоны и поднимаютъ крикъ на всю деревню. Подойдя къ окну, они поютъ слѣдующую пѣсню:

Вой Келяда!
Столбы ти красны.
Вой Келяда!
Вороты ти часты, золочены,
Вой Келяда и проч.

Молодые женщины, наряженные въ лучшую одежду, подаютъ въ окошко крапённые лукомъ яйца, свиные колбасы съ пшенной кашей, прѣсныя сдобныя лепешки и кѣлянгемень—пирожки съ кашей и яйцами, въ видѣ овецъ,

*) Кель-Келяда—березовые прутыки.

свиней и куръ. Обойдя деревню, дѣти собираются въ одну избу, ставятъ большой украшенный вѣникъ и горящую свѣчу въ передній уголъ и всѣ вмѣстѣ ужинаютъ собраннымъ, остатки уносятъ по своимъ домамъ.

На другой день, дѣти вмѣстѣ съ отцемъ и матерью ходятъ по бабушкамъ, приносятъ пирогъ съ кашей и макомъ, два ситные карава, вареную свинину или говядину. И поютъ:

Благослови бабушка

.

Встрѣчай матушка,

Я къ тебѣ иду

Большу ношу несу.

.

На другой день (27-го декабря) къ бабушкѣ собираются одни дѣти; поѣвши у ней, ребята берутъ бабушку подъ руки и водятъ ее по деревнѣ изъ дома въ домъ съ пѣсней:

Гуляй, бабушка,

Гуляй, матушка!..

Святки проходятъ такъ же, какъ и у русскихъ: веселятся, поютъ, гадаютъ до крещенскаго сочельника. Береза или вѣрнѣе ея прутя и освѣщенные восковыми свѣчами фонари играютъ тутъ важную роль.

Въ это время мордовскія дѣвушки наряжаются въ бѣлыя холстинныя рубашки, вдоль которыхъ идетъ съ плечъ до подола шесть полосъ, вышитыхъ красною, зеленою и си-нею шерстью, по три полосы на каждой сторонѣ, подолъ и воротъ также расшиваются узорами. Верхъ щегольства мордовки — это двѣнадцать платковъ за поясомъ. Обыкновенно онѣ подпоясываются поясомъ, обшитымъ сзади бахрамой изъ шерсти, нерѣдко съ раковинами — „змѣиныя головки“ или „ужовки“, а у богатыхъ и съ серебряными деньгами. Последнее должно быть явилось отъ вліянія сосѣднихъ татаръ. Когда

мордовка въ полномъ нарядѣ, то она за поясъ затыкаетъ двѣнадцать платковъ изъ тонкаго льнянаго холста, расшитые красною шерстью, у богатыхъ — крученымъ золотомъ. Мордовки особенно щеголяютъ своими ногами, для чего носятъ короткія рубашки и понявы (родъ юбки). Красота ногъ состоитъ въ толщинѣ и твердой походкѣ. Поэтому гладко намазываютъ на ноги по нѣсколько аршинъ тонкаго льнянаго выбѣленнаго холста. Походка мордовокъ бодрая, голову онѣ держатъ прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю, ступаютъ сильно, ровно.

Мордва — крѣпкій народъ физически, трудолюбивый, не отличающійся смѣтливостью, мѣшковатый, медлительный въ движеніи. Эти качества народъ нашъ скоро подмѣтилъ и пустилъ въ оборотъ много мѣткихъ остротъ въ такомъ родѣ. Видитъ мордвинъ кисель во снѣ и ищетъ ложки, — ложки не находится; на другую ночь онъ кладетъ ложку подъ голову, но не видитъ киселя во снѣ.

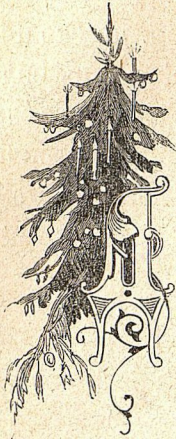
Мордва не отличается ни красотой, ни симпатичностью взгляда, или улыбки, ни живостью движеній, ни плавностью походки, что встрѣчаемъ вообще у славянскихъ племенъ. Въ рѣчи мордвы преобладаютъ грубые, гортанные звуки; мордовская пѣсня затерялась и трудно предположить въ ней мелодичность. Изъ любимыхъ животныхъ мордвина — собака, такъ какъ онъ любитъ до сего времени охоту, особенно на зайца, который на мордовскомъ столѣ считается лакомымъ блюдомъ. Села его, насколько намъ приходилось проѣзжать и останавливаться въ Саратовской губерніи (уѣздахъ Саратовскомъ, Петровскомъ), наводятъ на грусть и тоску своей непримечательностью, неряшливостью жилищъ, дворовъ. Языкъ — смѣсь съ русскимъ; грамотность туго развивается. Костюмъ очень простъ и крайне однообразенъ: рубашка длинная съ красными вышивками на женщинѣ и дѣвушкѣ, подпоясанная поясомъ — весной, лѣтомъ и осенью, коты на ногахъ; дѣвушки ходятъ простоволосыя, заплетаютъ волосы въ косу, въ концѣ которой вплетается завязка, а въ праздники лента — большей частію красная, — у

женщинъ головной уборъ — рогатки, прикрытыя узорчатою вышивкой, въ видѣ городковъ, также изъ красной шерсти. На мужчинѣ та же рубашка, только покороше — рукава и воротъ съ красными строчками, русская шапка. Цвѣтъ волосъ, какъ у всѣхъ финскихъ племенъ, свѣтло-русый, рѣдко каштановый; черныхъ волосъ мы не встрѣчали; глаза блѣдно-голубые, брови мало замѣтны, какъ вообще у блѣлобрыхъ. Лице широкое, безжизненно-аляповато. Красотой, на сколько можно замѣтить, мордвинъ считаетъ мускулистость и ея силу. Бѣдность духовная и физическая была причиною того, что славянская раса въ лицѣ великоруссовъ подавила мордву окончательно и надо полагать, что въ концѣ концовъ она совсѣмъ вымретъ, какъ почти вымерло печальное племя вогуловъ или сѣверныхъ зырянъ.

N. Z.

МОРДВИНЪ.

СЕРЕЖЪ ПАСЕКЪ.

БТИ веселились
Вкругъ блестящей ёлки,
Пѣли и шумѣли—
Словно лѣтомъ пчелки—

* * *

Имъ тепло тамъ было...
Елка такъ блистала...
Глядя на подарки,
Сердце трепетало.

* * *

А другія дѣти,—
Тоже Божьи пчелки,
Лишь въ окно глядѣли
На чужую елку;

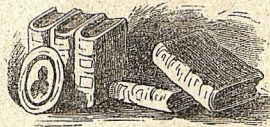
* * *

Стоя на морозѣ,
Вчужѣ веселились;
Забывая голодъ.
Ихъ сердечки бились...

* * *

.....
Весело всѣмъ было...
Елка догорѣла,
Миновали святки
И пора за дѣло.

И. П—въ.

ШАРАДА.

Любя чистоту и опрятность,
Жилище метемъ мы всегда;
Метелкой иль щеткой слогъ первый
Изъ комнатъ мы гонимъ тогда.

* * *

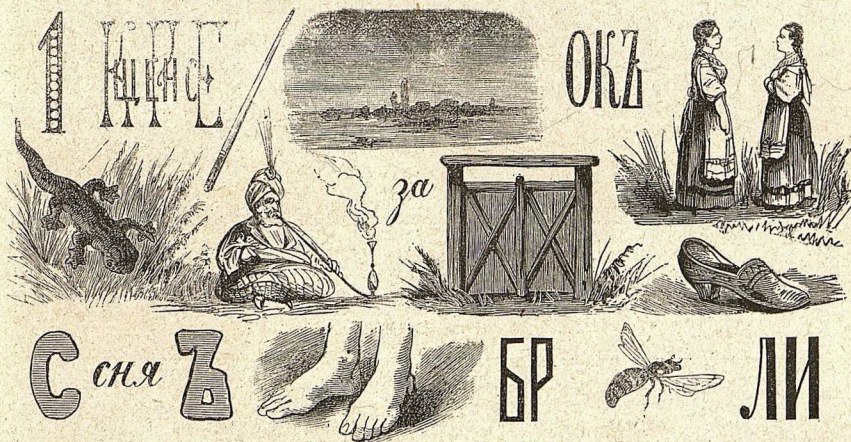
Второе—рѣки есть названье,
Большой и извѣстной рѣки,
Что въ Волгу—кормилицу впала
Не съ лѣвой, а съ правой руки.

* * *

А цѣлое—птица-болтуня,
Снуетъ цѣлый день тамъ и тутъ;
Кто любить болтать черезъ мѣру—
Той птицей какъ разъ назовутъ!

Ар—въ.

РЕБУСЪ № 12.

Л—въ.

МОРДОВКИ ВЪ ПРАЗДНИЧНОМЪ НАРЯДѢ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1881 г.

Типографія А. С. Сувогина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.